

МЕСТО ПЕРЕВОДЧИКА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Антропоцентрический подход к рассмотрению насущных языковедческих проблем обусловил активизацию интереса самых разных школ и направлений современной лингвистики к языковой личности. Понятие *homo loquens* стало ведущим как в давно сложившихся лингвистических науках, таких, как психолингвистика, риторика, лингводидактика, переводоведение, так и в сравнительно новых, таких, как когнитология, этнолингвистика, тендерная лингвистика.

Раздельное рассмотрение языковых способностей личности (*Осcompetence*), с одной стороны, и их использования в ее коммуникативной деятельности (*performance*), с другой, предлагалось неоднократно, особенно часто начиная со второй половины XX-го века. В этой связи были разработаны модели языковой личности [4; 15; 16; 17] и намечены особенности ее коммуникативного поведения [1; 10; 11; 12; 23] как в роли отправителя сообщения - адресанта (здесь фундаментальные труды по идиолекту/идиостилю выдающихся мастеров слова принадлежат [3; 6; 7; 18]), так и в роли его получателя - адресата [2; 9]. С новых позиций был также рассмотрен акт коммуникации [19; 20; 21; 22].

В русле этого повышенного интереса к языковой личности как структуре определенного типа и как определенной функциональной сущности и была выполнена данная статья. Следует отметить, что языковой личности переводчика в единстве его способностей и их реализации уделялось недостаточно внимания, что обеспечивает данной работе новизну и актуальность.

Традиционно в межкультурном общении выделяют два типа языковых личностей. Это: "1) человек для которого естественным является общение на чужом языке в его коммуникативной среде, здесь мы говорим о *ксенолекте*, т. е. той разновидности языка, которой пользуются, например, эмигранты, либо люди, длительно живущие в чужой стране, либо люди, пользующиеся языком международного общения в целях естественной коммуникации, например, ученые, выступающие по-английски на конференции в Японии; 2) человек, который говорит на чужом языке с учебными целями, не относящимися к характеристикам естественной среды общения" [16, 10-11].

Первый тип, соответственно, осуществляет общение в чужом пространстве, второй - в своем. И результаты, и цели обоих резко различны.

В первом случае мы имеем дело с коммуникацией, в которой говорящий подчиняется правилам игры *естественно* развивающейся ком-

муникации, которые диктуют "чужие" через свой код. Иными словами, попадая в чужой мир, индивидуум приобретает знания о нем через общение с носителями его языка и культуры. Пополняя таким образом свой тезаурус, языковая личность инофона проходит постепенную, растянутую во времени аккультурацию. Фактор времени играет огромную роль в коммуникативных успехах/неудачах: как надолго оказался индивидуум в чужом лингвокультурологическом пространстве, сколько он готовился к вхождению в него, сколько времени он уже провел в нем. Соответственно, различается и шкала коммуникативной компетенции - от нулевой отметки, когда нужно прибегать к языку жестов, до уровня *high proficiency*, который можно наблюдать, например, у писателей, овладевших английским языком (значительно) позже родного и пишущих на нем - русского Владимира Набокова, поляка Джозефа Конрада, японца Кадзуо Ишигуро, индийца Салмана Рушди, нигерийца Элеги Амади. То же справедливо и для франко-пишущих - русского Андрея Макина, англичан Сэмюэля Беккета, Джулиана Барнса.

Во втором случае правила игры заданы учебником, организующим круг тем, их развитие, средства их реализации, что создает *искусственный*, учебно-академический характер общения. Неслучайно наши ученики и студенты, попадая в ситуацию естественной межкультурной коммуникации, несмотря на 5-15 лет изучения иностранного языка в школе и в вузе, беспомощно вспоминают устаревшие фразы. Так в популярном романе 60-х "I Like it Here", попавший за границу и потерявший в аэропорту багаж англичанин-журналист ничего, кроме фразы "А как поживает Ваша милая тетушка?" вспомнить из Оксфордского курса французского не может [25].

В случае искусственного создания коммуникативной ситуации, как это имеет место в учебных условиях, к идиолекту языковой личности не присоединяется ксенолект - владение чужим языком и определенной частью чужой концептосферы; обращение к межкультурной коммуникации остается спорадическим и часто безуспешным.

Помимо названных выше двух типов языковых личностей, выделяемых по продолжительности, глубине и повторяемости межкультурных контактов, представляется необходимым выделить еще один, занимающий собственную нишу в общении носителей разных языков, этносов и культур. Речь идет о переводчиках. Если первые два типа обозначались как участники естественной и искусственно созданной коммуникации, языковую личность переводчика можно определить как *медиальную*. Ксенолект участника естественного межкультурного общения создается и развивается "для себя", для достижения успеха собственной коммуникативной деятельности, ксенолект медиатора - посредника между разно-

язычными, разнокультурными коммуникантами и организуется, и развивается, и функционирует в иных условиях и с иными целями.

Перевод определяется как "целенаправленная лингвопсихоментальная деятельность переводчика как рекреативной системы, объединяющей в едином процессе перевоплощения две фазы: интерпретацию оригинального текста и порождение, на ее основании, текста перевода. Первая фаза предусматривает рефлексивное усвоение переводчиком мира смыслов адресанта оригинального текста, его интерпретационной программы, заложенной в тексте для адресата - читателя оригинала, степени ценности текстовой информации и ее соотношения с исходными культурой и бытием. Вторая фаза - это сопоставление внутренне означенной рефлексии переводчика с кодом другого языка с учетом универсума другой культуры и интериоризованного бытия другого этноса, что и является основанием для создания текста перевода" [33, 452].

При том, что коммуникативная деятельность переводчика осуществляется по двум основным каналам - письменному и устному (в английском языке они разделены на две отдельные сущности *translator* и *interpreter* - ср. тж. устаревшее русское *переводчик* и *толмач*), при том, что исторически устный перевод предшествовал письменному, основной интерес теоретиков и практиков к ретрансляции одной лингвоконцептосферы в другую прикован к письменному переводу, оставляющему глубокие следы в мировой культуре на протяжении нескольких тысячелетий, и переводоведение, оформившееся в самостоятельную науку во второй половине XX века, связано прежде всего и преимущественно с проблемами именно письменного перевода - см. напр., [13; 14; 29]. В исследованиях дискутируются самые разнообразные проблемы о типах, формах, средствах, возможностях переводческой деятельности, начиная с сакраментального вопроса - а возможен ли полноценный перевод в принципе, если "любые трансформации грамматической организации языковых единиц ведут к обязательным семантическим и/ или прагматическим последствиям" [27, 53].

Не задаваясь целью найти аргументы *pro* и *contra* или глубоко вникать в психологические, лингвистические, мировоззренческие сложности работы переводчика, обратимся к тому аспекту его деятельности, который имеет непосредственное отношение к нашей проблеме, а именно, к переводчику как языковой личности, выступающей в роли медиатора межкультурной коммуникации. Действительно, при переводе не только отсутствует непосредственный контакт между адресантом и адресатом, но и увеличивается коммуникативная цепочка за счет фигуры коммуникативного посредника - переводчика. Весь процесс усложняется также разрывом "физической современности автора и читателя" [5, 275],

иногда очень значительным, когда возникает понятие "диахронического перевода" - "перевода на современный язык исторического текста, написанного на языке предыдущей эпохи" [32, 43], когда "временные уровни оригинала и перевода уже не являются соотносительными, а экстралингвистические характеристики обеих эпох отличаются коренным образом" [8, 139].

Уникальность коммуникативной деятельности переводчика заключается не столько в том, что он - ретранслятор как языков, так и культур (ср.: "Национальный язык чрезвычайно важен - именно в нем воплощены не только мысли, но и культурные ценности" [28, 140]), сколько в том, что он не вписывается ни в одну из представленных выше моделей человеческой коммуникации: во-первых, потому, что увеличивает число ее компонентов; во-вторых, потому, что в случае устного перевода к нему не применим диалогический (круговой) вопросно-ответный принцип коммуникации, представляющий общение как *попеременный* обмен информацией, при котором роли адресанта и адресата постоянно переходят от одного коммуниканта к другому. В случае письменного перевода особенно ярко проявляется коммуникативная специфика переводчика - он не является полноценным продуцентом сообщения, отправляющим последнее от своего имени, т. е. создающим "возможный мир текста" [26; 30; 31] из *собственной* картины мира, но ретранслирует концептуальный мир чужого сознания и чужого языка.

Аналогично любому другому типу межкультурной коммуникации, перевод изобилует опасностями частичного или даже полного искажения исходной (оригинальной) информации. Его отличие от прочих - в удвоении возможного количества коммуникативных неудач, что связано с двойной ролью медиатора коммуникативного процесса и, естественно, с нарушениями сначала адекватного приема, а затем адекватной передачи чужого сообщения. Причины сбоев - те же, что и в непосредственном общении: недостаточное знание кода и недостаточное знание передаваемой при его помощи концептосферы. Есть у переводчика, прав

да, и преимущества, которые обусловлены рассредоточенностью во времени передачи сообщения основным адресантом-автором и его приема основным адресатом - читателем. В течение этого промежутка времени (который может длиться от нескольких часов, как в случае перевода современного произведения малой формы, до нескольких столетий, как в случае перевода старинных рукописей и документов), у переводчика есть возможность обратиться к дополнительным источникам информации - лексикографическим, историческим, культурологическим и под., которые могут уменьшить или полностью элиминировать угрозу коммуникативного провала.

История перевода изобилует примерами как удивительного проникновения в мир текста и сохранения "его тела и духа" (М. Лозинский) для представителей другой лингвоконцептосферы (например, хрестоматийно известные переводы Данте М. Лозинским, Бернса - С. Маршаком, Шекспира - Б. Пастернаком), так и неудачные поделки непрофессионалов (достаточно вспомнить многочисленные переводы по подстрочнику из поэзии малых народов СССР, имевшие мало общего с оригиналом); или буквальные переводы Н. Кривцовой и Е. Ланна, которые "убили дух Ч. Диккенса" [24] и, например, идиоматическую реплику Сэма Уэллера на катке *'Keep the pot a-boiling, Sir'* (*'Продолжайте в том же духе, сэр'*) перевели *'Не давайте кипятку остыть в горшке, сэр,'*; или поспешные переводы кинематографических заголовков: *Room at the Top* - *Мансарда*, тогда как это буквально *Место наверху*, или *Путь наверх* (в появившемся после выхода фильма на экраны переводе романа); то же справедливо об оscarоносной ирландской комедии *Full Monty*, переведенной как *Толстый Монти*, при том, что это - идиома для обозначения (мужского) стриптиза; то же случилось с блокбастером *Пятый элемент*, значение которого непонятно зрителю, ибо авторы оригинала, называя свой фильм *The Fifth Element*, имели в виду *Пятую стихию*, дополнительную к четырем, известным человечеству (воздух, вода, земля и огонь).

Примеры взлетов и падений в межкультурной посреднической коммуникативной деятельности переводчиков можно умножать до бесконечности: за прошедшие сотни и тысячи лет их набралось немало. Нам же необходимо еще раз подчеркнуть, что переводчик, - это по определению, постоянный участник только межкультурной коммуникации, во-первых, и во-вторых, - это участник с особым статусом медиатора (ретранслятора), выполняющего свою коммуникативную функцию не для одного индивидуума (себя), но для целого этноса (нации, культуры).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. - М.: УРСС, 2003. - 304 с.
2. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. - 1981 - т. 40. - № 4. - С. 356-367.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. - 3-е изд. - М.: Советская Россия, 1972. - 320 с.
4. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. 10.02.19 - Л., 1984. - 31 с.
5. Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Время как фактор межкультурной коммуникации // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация.: Сб. ст. / Ин-т языкознания РАН. - Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. - С. 275-284.
6. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. - М.: Наука, 1980. - 360 с.
7. Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. - 2-е изд., доп. - М.: Наука, 2000. - 509 с.
8. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. - М.: Изд-во ин-та общего и среднего образования РАО, 2001. - 224 с.
9. Воробьева О. П. Текстовые категории и фактор адресата. - К.: Вища школа, 1993. - 200 с.
10. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. - М.: Гнозис, 2003. - 288 с.
11. Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2.-М.: МГУ, 1998. - С. 124-133.
12. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. - М.: Росийск. гос. гума- нит. ун-т, 2000. - 382 с.
13. Зоривчак Р. П. Лингвостилистические характеристики художественного текста и перевод: Автореф. дисс.... д-ра филол. наук. 10.02.17 - К., 1987. - 38 с.
14. Зоривчак Р. П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. - Львів: Вища школа, 1983. - 176 с.
15. Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков. Человек и его дискурс. - М.: Азбуковник, 2003. - С. 24-45.
16. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - М.: Гнозис, 2004. - 390 с.
17. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. - 4-е изд., стереотип. - М.: УРСС, 2004. - 264 с.
18. Лотман Ю. М. Пушкин. - СПб.: Искусство, 1999. - 847 с.
19. Почепцов Г. Г. Коммуникативные основы семантики. - К.: Наукова думка, 1987. - 131 с.
20. Почепцов Г. Г. Теорія комунікації. - К.: ВЦ Київський університет, 1999. - 308 с.
21. Почепцов Г. Г. Элементы теории коммуникации. - Ровно.: Волинські береги, 1999. - 144 с.

22. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. - К.: ЦУЛ "Фитосоциоцентр", 2002. - 336 с.
23. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. - М., 1990. - С. 1-25.
24. Чуковский К. И. Высокое искусство. - М.: Сов. писатель, 1988 - 348 с
25. Amis K. I Like it Here. - Gollancz, 1959. - 208 p.
26. Dolehel L. Heterocosmica. Fiction and Possible Worlds. - L Baltimore' The John Hopkins UP, 1988. - 325 p.
27. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 2: Descriptive Application. - Stanford, 1991. - 582 p.
28. Lewicka M. A Short Story of Tractors in Ukrainian. - Viking, 2005. - 324p
29. Neubert A. Text and Translation. - Leipzig: VEB Verlag Enz. 1985 - 218p
30. Pavel T. Fictional Worlds. - L., Cambridge Mass: Harvard UP 1986 - 380p
31. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse - Longman, 1999.- 390 p.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

32. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. -М.: Флинта 2003 - 320 с.
33. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія - Полтава: Довкілля-К, 2006. -716 с.